

Статья выдающегося историка В.Б.Кобринина может стать основой для коллективной творческой работы.

Выделите главное в тексте, проиллюстрируйте его, используя коллекции музеев Московского Кремля.

Обратите внимание! Оценки историка Кобринина расходятся с оценками других исследователей этой эпохи. Было бы интересно во время дискуссии сравнить несколько точек зрения.

САМОЗВАНЦЫ

«Тушинский вор», Лжедмитрий II, унаследовавший от своего прототипа авантюризм, но не таланты, жалкая пародия на предшественника, нередко и впрямь игрушка в руках представителей короля Речи Посполитой, не олицетворяя собой, как и Болотников, никакой серьезной альтернативы тому пути развития, по которому пошла Россия. Но еще одной упущенной возможностью было, на мой взгляд, несостоявшееся царствование сына Сигизмунда III — королевича Владислава. В феврале 1610 года, разочаровавшись в «тушинском царике», группа бояр из его лагеря отправилась к Сигизмунду III, осаждавшему Смоленск, и пригласила на трон Владислава. Было заключено ... соглашение. А через полгода, в августе, после свержения Василия Шуйского, московские бояре пригласили Владислава. И тушинцев, и московских бояр традиционно клеймят как изменников, готовых отдать Россию иноземцам. Однако внимательное чтение соглашений 1610 года не дает оснований для таких обвинений.

В самом деле, в обоих документах предусмотрены разнообразные гарантии против поглощения России Речью Посполитой — и запрет назначать выходцев из Польши и Литвы на административные должности в России, и отказ в разрешении воздвигать католические храмы, и сохранение всех порядков, существующих в государстве, в том числе крепостного права: «на Руси промеж себя христианам выходу не быти», «людem руским промеж себе выходу не кажет король его милость допускати». В заключенном тушинцами в феврале договоре мы встречаем и отзвук годуновских времен: «А для науки вольно кождому з народу московского людem ездити в иные государства христианские».

Впрочем, в обоих соглашениях остался несогласованным один существенный пункт — о вероисповедании будущего царя Владислава. И тушинцы, и московские бояре настаивали на том, чтобы он перешел в православие; воинствующий католик, потерявший из-за приверженности к римской вере шведский престол, Сигизмунд III не соглашался. Признание Владислава царем до решения этого вопроса — тяжелая по последствиям ошибка московских бояр. Дело здесь не в сравнительных достоинствах и недостатках обеих конфессий, а в элементарном политическом расчете. По законам Речи Посполитой король должен был обязательно быть католиком. Православный Владислав лишался, таким образом, прав на польский престол. Тем самым устранилась бы опасность сначала личной, а потом и государственной унии России и Речи Посполитой, чреватой в дальнейшем утратой национальной независимости. Признание же власти «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси» открыло путь в Москву польскому гарнизону.

Можно предположить, что воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты. Дело не в его личных качествах: став впоследствии польским королем, он ничем особенно выдающимся себя не

проявил. Существенно другое: те элементы договорных отношений между монархом и страной, которые были намечены в «крестоцеловальной записи» Василия Шуйского, получали свое дальнейшее развитие... Сам же Владислав превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения.

Однако и эта возможность оказалась упущенной, хотя и не по вине России. После свержения Шуйского и убийства собственными сторонниками Лжедмитрия II началась реальная интервенция.

Швеция, войска которой были приглашены Шуйским против Речи Посполитой, воспользовалась удобным случаем, чтобы захватить Новгород и значительную часть Севера.

Польский гарнизон разместился в Москве, и наместник Владислава (королевичу было всего 15 лет, и любящий отец, естественно, не отпускал его без себя в далекую и опасную Москву, где совсем недавно один царь был убит, а другой сведен с престола) Александр Гонсевский самовластно распорядился в стране. Под Смоленском, осажденным войсками Сигизмунда, русское посольство во главе с митрополитом Филаретом вело переговоры об условиях вступления Владислава на трон. Поскольку вопрос о вере будущего царя решить не удалось, переговоры провалились, а русская делегация оказалась на положении пленных.

Тем временем в Москве ... от имени царя Владислава раздавались земли сторонникам интервентов, конфискуя их у тех, кто не признавал чужеземную власть. ... Кажется, что понятия о верности и измене внезапно поменялись местами. Вот некто Григорий Орлов, который называет себя «верноподданным» не только царя Владислава, но и Сигизмунда, просит «великих государей» пожаловать его «изменничьим княж Дмитриевым помещестейцем Пожарского». На обороте челобитной Гонсевский крайне вежливо обращаясь к дьяку И. Т. Грамотину, пишет: «Милостивый пане Иван Тарасович!.. Пригожо... дать грамоту асударскую жаловальную».

Правда, все (или почти все) эти раздачи существовали лишь на бумаге: польские войска в Москве окружены сначала первым (во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким), а потом и вторым (во главе с Мининым и Пожарским) ополчениями.

Центральной же власти как бы и нет. Разные города самостоятельно решают, кого им признавать за правителей. По стране бродят и осаждают города и монастыри отряды польских шляхтичей, занимающиеся не столько военными действиями, сколько простым грабежом. От них не отстают и свои собственные, родные казаки. Такая ситуация не может продолжаться слишком долго: в стране все крепнет стремление к порядку... Чем бы мы ни считали народные волнения этого времени — крестьянской войной или гражданской, ясно, что в событиях принимали участие большие массы людей.

Но ни одно такое массовое движение не бывает очень продолжительным...

Возникшие на фоне этой общей усталости силы порядка оказались, как часто бывает, довольно консервативными. Нельзя не восхищаться мужеством, самоотверженностью и честностью Минина и Пожарского.

Но правы были дореволюционные историки, подчеркивавшие консервативное направление их деятельности. Общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до Смуты. Недаром второе ополчение, возобновив чеканку монеты, выбивало на ней имя

давно умершего царя Федора — последнего из царей, чья легитимность была вне подозрений для всех.

Цит. Кобрин В. Смута //Родина. № 2, 1991.